

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ

И.В. Степанов^{1, 2}

¹ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

²ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России (Самара, Россия)

Для цитирования: Степанов И.В. Российская военная теория первой половины XX века: попытки создания философии войны. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):44-49. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.44-49

■ Сведения об авторе

Степанов И.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Института инженерного, экономического и гуманитарного образования; доцент кафедры философии и культурологии Института социального, гуманитарного и цифрового развития медицины. E-mail: stivan1981@mail.ru

Рукопись получена: 30.05.2022

Рецензия получена: 15.06.2022

Решение о публикации: 04.07.2022

■ Аннотация

В современном мире проблематика войны приобретает особую актуальность, требуя философского осмысления. В рамках российской военной теории XX века уже предпринимались попытки по созданию философии войны. Эти усилия были направлены на синтез философского и военно-теоретического знания.

Цель – анализ концепций А.А. Керсновского, Н.Н. Головина и А.Е. Снесарева для выявления теоретических оснований и задач философии войны в работах указанных авторов.

Выводы. В творчестве А.А. Керсновского философия войны становится национальной теологией войны, в работах Н.Н. Головина философия войны преобразуется в социологию войны, в трудах А.Е. Снесарева философия войны понимается как нравственный и научный синтез военной проблематики.

■ **Ключевые слова:** война; военная теория; философия войны.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

RUSSIAN MILITARY THEORY OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: ATTEMPTS TO CREATE A PHILOSOPHY OF WAR

Ivan V. Stepanov^{1, 2}

¹Samara State Technical University (Samara, Russia)

²Samara State Medical University (Samara, Russia)

Citation: Stepanov I.V. Russian military theory of the first half of the XX century: Attempts to create a philosophy of war. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):44-49. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.44-49

■ Information about author

Ivan V. Stepanov – PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences of the Institute of Engineering, Economic and Humanitarian Education; Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology of the Institute of Social, Humanitarian and Digital Development of Medicine. E-mail: stivan1981@mail.ru

Received: 30.05.2022

Revision Received: 15.06.2022

Accepted: 04.07.2022

■ Abstract

In the modern world, the problems of war are becoming particularly relevant, requiring philosophical reflection. Within the framework of the Russian military theory of the XX century, attempts have already been made to create a philosophy of war. These attempts were aimed at the synthesis of philosophical and military-theoretical knowledge.

Aim – to analyze the concepts of A.A. Kersnovsky, N.N. Golovin and A.E. Snesearev in order to identify the theoretical foundations and tasks of the philosophy of war in the works of these authors.

Conclusion. In the works of A.A. Kersnovsky, the philosophy of war becomes the national theology of war, in the works of N.N. Golovin, the philosophy of war is transformed into the sociology of war, in the works of A.E. Snesearev, the philosophy of war is understood as a moral and scientific synthesis of military issues.

■ **Keywords:** war; military theory; philosophy of war.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Западный и российский дискурсы сегодня выстраиваются вокруг военных действий на Украине. Эти действия, выходящие за рамки противостояния армий и политических институтов, уже приобрели масштабы бескомпромиссного мировоззренческого конфликта. Актуализация военной тематики требует обращения к попыткам формирования философии войны как особого раздела философии, сосредоточенного вокруг проблемы выявления фундаментальных оснований войны. До сих пор такие попытки

предпринимались преимущественно не философами, а военными теоретиками. Именно к опыту российской военной теории первой половины XX века мы обратимся в настоящем исследовании.

Теоретическим и методологическим основанием анализа выступает теория «языковых игр» Людвиг Витгенштейна. Обратившись к трудам российских военных теоретиков А.А. Керсновского, Н.Н. Головина и А.Е. Снесарева, мы попытаемся прояснить значения словосочетания «философия войны».

«ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ» КЕРСНОВСКОГО

Главный труд А.А. Керсновского «Философия войны» издавался с 1932 по 1939 год в эмигрантском журнале «Царский вестник». Несмотря на заглавие, слово «философия» в этой работе используется крайне редко. Из предисловия мы узнаем, что автор говорит, в первую очередь, о необходимости создания русской военной доктрины: «Строки эти представляют посильную и поэтому скромную лепту в наше общее великое дело – возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной – одну из многочисленных ее граней» [1:28]. По Керсновскому, любая доктрина как фундамент военного дела является синтезом военной науки и военного искусства: «Рациональная, вещественная часть военного дела – достояние военной науки. Иррациональная, духовная – достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек – смотреть и видеть духовными очами дано не всякому» [1:47]. В качестве теоретической основы духовности выдвигаются положения «богословской науки» (именно такой термин использует автор в главе «О природе войны»), опирающиеся на выборочные тексты Библии, в которых допускается ведение справедливой войны.

Из двух составляющих военного дела искусству принадлежит первое место. Главным сегментом военного (и любого другого) искусства русский теоретик считает национальную составляющую: «Национальность является характернейшим его признаком, его, так сказать, “букетом”, квинтэссенцией – все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального “междупланетного” искусства не существует» [1:51].

Сложнее у Керсновского обстоит дело с определением критериев научности вообще и военной науки в частности: «Математика, физика, химия, медицина – науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист, и монархист одинаково опишут теорему Пифагора. Науки социальные – эмпирическая часть философии, история, социология, право – наоборот, субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 года... Военная наука относится к категории социальных наук, она, стало быть, национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что, по нашему скромному мнению, совершенно ошибочно. Военная наука является сама в себе социологией, заключая весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, но это – патологическая социология» [1:52].

Во всем этом хаосе употребления терминов разобраться достаточно сложно. Во-первых, совершенно неясно, какой статус Керсновский придает философии. Это лишь одна из наук? Или же это область междисциплинарного научного знания, синтезирующая данные естественных наук в догматической части с данными социальных наук в эмпирической части? Каково, в таком случае, различие между эмпирической частью философии войны и социологией

войны? Во-вторых, непонятно, в каком отношении к науке и искусству состоит «богословская наука». Является ли именно она методологическим фундаментом любого знания? Или речь идет о русском национальном способе получения знания? В-третьих, в чем вообще заключается смысл терминов «рациональность» и «иррациональность», если естественные, социальные и, видимо, богословские науки носят столь различный характер? В-четвертых, каким образом соотносятся методы социологии и военной науки? Если последняя является социологией на военном положении, значит ли это, что исследовательские принципы обычной социологии перестают работать во время войн?

Используя в качестве основы анализа методологию Витгенштейна, можно прийти к следующим выводам. Керсновский пытается употреблением слов «богословская наука», «иррациональность», «национальность», «военное искусство», «субъективность» подчеркнуть сакральный, не подлежащий критике статус фундамента своей теории. Используя слова «объективность», «рациональность», «военная наука», русский мыслитель связывает свою теорию со сциентистской традицией Нового времени. Термины «социальные науки» и «философия» употребляются одновременно в обоих контекстах, теологическом и сциентистском, что и является основным источником концептуальной путаницы. Поскольку второй термин используется гораздо реже, концептуальная путаница проявляется менее отчетливо. Этим, вероятно, объясняется выбор наименования «философия войны» в качестве компромиссного варианта между религиозно-националистическими основаниями теории и данью научной объективности. Однако концептуальный хаос мог бы быть уменьшен, если бы Керсновский употребил название, прямо указывающее на характер его теории, например, «Основы русской национальной военной доктрины».

«ФИЛОСОФИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА» ГОЛОВИНА

В ранних трудах Н.Н. Головина часто встречается словосочетание «философия военного искусства». Однако понять, что автор имеет в виду, довольно сложно. Вот что он пишет в одной из первых серьезных работ «Французская высшая военная школа» по поводу реформы высшего военного образования в России: «Из всей теории военного искусства нужно выделить курс наивысшего обобщения. Этот курс составит то, что генерал Леер называет стратегией, – философия военного искусства. Этот курс обнимает, с одной стороны, чистую науку о войне, то есть изучение войны как явление общественной жизни, с другой стороны, будет содержать в себе философию военного искусства. Таким образом, этот курс будет до некоторой степени соответствовать тому, что у нас ныне в программе называется принципиальной стратегией» [2:61]. Уже здесь «философия военного искусства» трактуется то как синоним «высшего учения о войне», то лишь как часть этого учения, отличного от «чистой науки о войне». В свою очередь это словосочетание тоже используется в качестве синонима «высшего учения о войне».

В общем, употребление терминов «философия» и «чистая наука» одновременно в двух контекстах только создает дополнительные проблемы для понимания.

В статье «История военного искусства как наука» Головин вводит следующий принцип дифференциации между военной историей, историей военного искусства и стратегией: «Первая стремится установить событие какой-нибудь войны или даже периода войн в их хронологическом порядке и выяснить их взаимоотношения и причинную связь. Таким образом, для военной истории необходимо более или менее полное и хронологическое исследование событий войны. История военного искусства рассматривает военные события с более общей, философской, точки зрения; ей не столько важно хронологическое расположение событий, как должна это делать военная история... Обстановка рассматривается военной историей в ограниченных рамках. Общие социальные факторы больше частью ею пропускаются. У военной истории не может быть того широкого размаха, того философского взгляда, который должен быть присущ истории военного искусства. Другая наука, с которой история военного искусства очень тесно связана, – это стратегия, понимаемая в смысле науки, изучающей войну как явление общественной жизни. История военного искусства заимствует из стратегии законы, которые эта наука установила для явлений войны. Правда, нельзя тут не заметить, что в этом отношении сделано очень мало. Если стратегия как теория военного искусства уже в значительной степени разработана, то как чистая наука о войне, как один из отделов социологии она находится в младенческом состоянии» [2:130–132]. Здесь «философия военного искусства» употребляется как синоним «истории военного искусства». Задачей «философии военного искусства» служат широкие социальные обобщения, но при этом она отличается от социологии войны как чистой науки о войне, призванной выявлять социальные закономерности в области военных действий. Социология войны, в свою очередь, рассматривается как часть стратегии, отличная от военной теории. Сразу же возникает вопрос: если история (философия) военного искусства заимствует из стратегии законы, то что служит эмпирическим материалом для этих обобщений? Вероятно, данные военной истории. Но тогда как понимать смысл фразы: «История военного искусства есть высшее обобщение военной истории – ее философия» [2:132]. В чем, в конце концов, состоят различия между «философией военного искусства» и «социологией»? Возникает впечатление, что первая выступает лишь в качестве комплекса социологических методов применительно к данным исторической науки.

В основе концептуальной путаницы, возникающей при употреблении слова «философия», лежат противоречия, которыми вообще отмечены подходы, базирующиеся на слишком глубокой вере в возможности классического позитивизма. «Философия» у Головина обобщает данные, касающиеся всех сфер военной деятельности. Но ту же самую функцию выполняет социология войны, рассматриваемая как часть общей социологии. Подобно тому, как Кант, первоначально отводивший философии лишь

роль «уборщика» пережитков теологии и метафизики, мучительно искал этому термину место в границах позитивистского мировоззрения, так и Головин пытается увязать метафизические коннотации философии с современными ему представлениями о критериях социальных наук.

В конечном счете Головин, продолжая действовать в духе идей Френсиса Бэкона, Огюста Конта, Джона Стюарта Милля, Вильфредо Парето и Питирима Сорокина, с которым был знаком лично, разрубил концептуальный узел при помощи радикальных шагов, направленных в сторону эмпирико-позитивистской парадигмы.

Основному труду «Наука о войне», вышедшему в 1938 году в Париже, Головин дал подзаголовок «О социологическом изучении войны». Уже в первой главе, опираясь на «Новый Органон», Головин пытался соотнести уровень научной разработанности проблем войны, достигнутый к концу 30-х годов, с тем, что Френсис Бэкон называл «естественным состоянием наук». Согласно Бэкону, подобное состояние характерно для такой науки, которая соотносит свои требования, главным образом, с требованиями повседневной практики, имея дело лишь с «непосредственно полезным опытом». Для того чтобы наука вышла из «естественного состояния», она должна стать отраслью теоретического знания, четко определившей свои границы, переключив внимание на «опыт, проливающий свет». Продолжая выводы Бэкона и Милля, Головин говорит о том, что «всякая наука переживает три фазиса развития: сбор материалов; систематизация, выработка методов и исследование; предсказания» [2:41].

Русский мыслитель убежден, что современная ему наука о войне не разрабатывает метода, но при этом произвольно систематизирует материал и переходит к предсказаниям, нарушая тем самым логику научного исследования. Главную причину подобного состояния Головин усматривает в том, что под «наукой о войне» понимается лишь раскрытие стратегической составляющей военных действий. В итоге, за редкими исключениями, не ставится вопрос: что такое война?

Пытаясь показать недостатки военно-теоретического знания XIX – начала XX века, российский теоретик использует излюбленный позитивистский прием – сравнивает современные ему стратегические концепции со схоластикой: «История развития наук показывает, что каждый раз, когда человеческий ум сосредоточивает все свое внимание на форме, а не на сущности, появляется схоластическое направление. В особенности резко это можно заметить в средние века в философии: тенденция и метод, преобладающие тогда, – диалектика. Рассуждают, аргументируют, делают бесконечные выводы, не проверяя принципов, которые стоят выше всякого анализа, так как сущность идей определялась догматом; мышление могло быть свободно только в методах объяснения и применения» [2:34].

Рассуждая о проблемах научного языка, Головин приходит к выводу, что термин «правило» плохо отражает суть открытий, которые могут быть сделаны наукой, в том числе и наукой социологической. Когда говорят о правилах, то неосознанно подразумевают два разных явления – закон и принцип. Принцип следует рассматривать в качестве

частного случая закона. Первый шаг для формирования науки о войне должен заключаться в том, чтобы определить рамки проблематики социологии войны областью законов, оставив теории военного искусства выработку принципов: «Ввиду того, что явления войны подчиняются известной закономерности, наука о войне (социология войны) будет стремиться к открытию законов. Между тем наука о ведении войны (теория военного искусства) даже при самых широких обобщениях может свести таковые лишь к принципам» [2:33-34].

Стремление к классификации знания, характерное для позитивизма, подвигает российского теоретика разделить социологию войны на две дисциплины частного характера – военную психологию и военную статистику. Однако эти две части неразрывно связаны друг с другом, выражая закономерность количественно-качественных изменений. Военная статистика должна заниматься количественной составляющей: «На первом месте среди этих методов нужно поставить метод статистический, позволяющий применять количественное измерение многих из качественных изменений, происходящих внутри общества. Отыскивая при помощи этого метода проявление закона большого числа, исследователь получает возможность выяснить объективный ход социальных явлений» [2:94].

Природу военной психологии Головин считает более сложной, нежели природу статистики, поскольку первая рассматривает человека не как функциональную единицу, но как индивида, обладающего внутренним, неповторимым миром. Для того чтобы психология стала положительным знанием применительно к процессам, протекающим в сознании индивида, вовлеченного в вооруженный конфликт, следует выделить в качестве отдельных дисциплин индивидуальную и коллективную психологию: «Первая уделит большое внимание психоанализу, иначе говоря, “качественной” стороне наблюдаемого явления; коллективная же психология, в особенности в ее части, изучающей “социальную психологию”, может уделить большое внимание “количественному измерению изучаемого явления”. Имея дело не с отдельными индивидуумами, а с их массой, она может широко использовать метод статистический и при помощи последнего чаще, чем в индивидуальной психологии, находить выявления “закона большого числа”» [2:92]. Военная статистика у Головина подчиняется военной психологии, что становится ясно из той роли, которую российский теоретик отводит коллективной психологии. Именно она переводит качественные изменения в количественные и наоборот.

Очевидно, что последовательная социологизация постановки проблемы создания «науки о войне» делает для русского теоретика использование слова «философия» излишним. Термин «философия» у позднего Головина становится синонимом схоластики.

«ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ» СНЕСАРЕВА

Значительная попытка по сближению философской и военно-теоретической проблематики была предпринята знаменитым русским военным мыслителем А.Е. Снесаревым. В основу его главного труда «Философия войны» лег курс лекций, прочитанный слушателям Академии

Генштаба Красной Армии, начальником которой Снесарев состоял в 1919–1921 годах. Хотя в этой работе концептуальная путаница проявляется местами достаточно заметно, в целом попытку Снесарева можно назвать наиболее удачной.

Прежде всего, у Снесарева, в отличие от Керсновского и в меньшей степени от Головина, отсутствует стремление механически употреблять слово «философия» просто как синоним военно-теоретических обобщений, отрывая его от исторического контекста развития философской мысли в целом. Напротив, «Философия войны» начинается с анализа тех значений, которые придавали этому термину досократики, классические греческие философы, классические немецкие философы и позитивисты. В процессе этого анализа Снесарев приходит к выводу, что основной задачей любого мыслителя является разрешение вопроса о соотношении «спекулятивного» (философского) и «практического» (научного) способа познания путем преодоления отчуждения между трансценденталистской и эмпирико-сциентистской линиями. Именно это отчуждение не позволяет состояться «философии войны» ни как разделу военно-теоретического, ни как разделу философского знания, ведь «...философия в своих построениях слабо подпывается снизу, не сдерживается земными ограничениями и увлекается в область спекулятивных фантазирования, а науки, не объединенные и не облагоустроенные философско-этическим началом, разбрасываются по техническим мелочам и треплются на рынке минутных человеческих настроений» [3:51].

Для Снесарева гносеологический аспект играет главную роль при выявлении точек соприкосновения науки и философии: «Философия имеет с наукой то общее, что она есть познание; с наукой она имеет общей точкой отправления рассудочное понимание действительности, то есть, говоря просто, она наука. Но в чем они могут расходиться?.. Если наука может отказаться от спекулятивного способа мышления и это, может быть, не помешает ей ни в ее чисто научных, ни тем более практических достижениях, то философия не может отказаться от этого орудия мысли, каким бы клеймом презрения оно в новейшее время ни было опозорено. Что касается до содержания, то всегда остается ряд вопросов, которые не исследуются ни одной из специальных наук; например, о методе и содержании таких понятий, как *бытие*, *причинность*, *сверхсознательная реальность души и внешнего мира*, а между тем философия мимо их пройти не может, и, включая эти темы в область посильных решений, философия неминуемо отойдет от науки своим содержанием» [3:48-50]. В представленном отрывке может смутить употребление термина «рассудочное понимание действительности». Возможно, Снесарев таким образом пытался передать кантовский смысл «критического отношения к познанию».

Русский теоретик осознавал, что понимание философии как науки требует развернутого объяснения и одним указанием на общее качество – «жажду познания» – здесь отделаться не удастся: «Так или иначе, но существующее некогда совпадение философии и науки утеряно, почему в настоящее время отождествление философии с наукой

может быть понимаемо в тройном смысле: или так, что термин «философия» есть не что иное, как собирательный термин множества наук; или так, что философия есть общая наука, обнимающая своими положениями частные науки; или, наконец, в смысле тождества идеи философии и науки, фактическое осуществление которого есть конечная цель их развития. Первый взгляд уже совершенно изжит историей, и его следы мы видим в узком понимании философии как науки, в которую входят метафизика, теория познания и этика» [3:50]. Далее следует аргументация, направленная против крайнего сциентизма (второго способа понимания философии как науки), смысл которого сводится к повторению указания на характер некоторых проблем, которыми ни одна частная наука не занимается, после чего автор присоединяется к третьему варианту: «Наука по идее своей едина; специализация науки есть лишь последствие вполне законного, по ограниченности человеческих способностей, разделения умственного труда. Поскольку, однако, такое разделение, хотя бы по вполне законным основаниям, фактически существует, единство науки – пусть внешне только – нарушается. Противовесом такому единству служит философия, которая твердо стоит на идее единства науки. Осуществляет философия эту идею не через формальное, внешнее энциклопедическое сочетание наук. Которое как таковое не вносит в них никакой внутренней связности, но через систематическое подведение всей области познания под единство основаначала» [3:50-51].

Все философские идеи Снесарев делит на четыре категории: 1) трансцендентные идеи (в принципе не поддающиеся восприятию в опыте); 2) идеи, занимающие промежуточное место между априорным и апостериорным исследованием (идеи, «для которых дорога опыта еще не намечена»); 3) общечеловеческие идеи (идеи, для изучения которых специальные науки не обладают достаточным методологическим масштабом); 4) идеи, связанные с общими вопросами классификации, структуры и методологии наук [3:52].

Эти рассуждения отражают стремление русского мыслителя найти средний путь между метафизическими и позитивистскими тенденциями при явной склонности к априоризму. Не менее ярко эта склонность проявляется в той части «Философии войны», которая касается принципов систематизации философского знания: «Все возможные исследования могут быть подведены под три точки зрения: они касаются или природы мира (природы действительного, *реального*), или формы познания (*объем, границы, достоверность* человеческого познания), или поставленных человеческой деятельностью задач (*познание ценностей или благ*)» [3:42-43]. И сразу возникает вопрос: чем эти представления принципиально отличаются от «первого взгляда» на соотношение науки и философии (см. выше), по мнению Снесарева, совершенно «себя изжившего»? Здесь мы имеем дело с одним из узлов концептуальной путаницы, который завязывается еще туже при привлечении материала, касающегося конкретного места «философии войны» в системе наук.

Это место русский мыслитель пытается определить через позицию вынужденного компромисса, вызванного разрывом между наукой и философией: «Как исход из этого

тягостного положения и как средство заполнить указанный выше разрыв история наук выдвинула на сцену ряд дисциплин, занимающих среднее промежуточное место между философией и наукой. Такими дисциплинами являются философия права, истории, математики, естественных наук и т.д., и, наконец, занимающая нас философия войны [3:51-52]. Сообразно со сказанным мы можем дать нашему предмету такое определение: *философия войны есть научно переработанное или обнаученное военное мирозерцание*» [3:56]. Но в то же самое время Снесарев отвергает подход, представленный в ранних работах Головина, в котором предполагались все обобщения, касающиеся проблем войны и мира, объединить в рамках одной дисциплины: «Нельзя в функции одной дисциплины вводить и данные высокого научного обобщения, и общую доктрину приложения принципов к жизни, то есть во втором случае обобщенное военное искусство: слишком различны эти функции, различны приемы и, скажу даже, различна психика этих двух углов зрения. Есть и возможна философия математики, медицины и т.д., но трудно себе представить философию математического творчества или философию врачевания людей...» [3:63]. Однако вышеприведенная и во многом конструктивная критика «философии военного искусства» (понятие, от которого сам Головин постепенно отказался) только запутывает позицию самого Снесарева в решении вопроса о соотношении роли априорного и апостериорного знания в «философии войны». Получается, что попытка отождествления науки и философии в позитивистском русле является концептуальной ошибкой, а попытка их сближения в русле традиций немецкой классики остается недостижимым идеалом, и потому следует довольствоваться промежуточным результатом?

Представляется, что главным источником концептуальной путаницы служит неопределенность терминов «познание» и «целеполагание», вызванная отсутствием при их употреблении сравнительных конструкций. Например, Снесарев мог попытаться объяснить, чем познание отличается от веры. Или же, скорее, само употребление слова «вера» в религиозном контексте стало бы средством демаркации между религиозно-мистическим и научно-философским способом получения данных.

Согласно Снесареву, конечная цель развития науки и философии состоит в стремлении к доказательному познанию всех явлений, с одной стороны, и выработке системы всеобщих морально-нравственных ценностей, с другой: «Содержание философии: 1) существо войны; 2) основные идеи, с этим существом связанные; 3) пути к познанию войны и 4) наука о войне в целом и ее классификация. Все вытекающие из этих четырех рубрик темы рассматриваются в философии войны с точки зрения общечеловеческой, нравственной, практически-неизбежной и проверочно-познавательной. Конечной целью философии войны будет сведение к нравственно-научному синтезу всех понятий о войне и присоединение этого синтеза как слагаемого к сумме других научных обобщений, объединяемых общей философией» [3:55]. Подобная трактовка объясняется апелляцией к Канту и Соловьеву, которые для Снесарева остаются главными авторитетами в области философии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские военные теоретики первой половины XX века используют термин «философия войны» в трех разных значениях. У А.А. Керсновского философия войны выступает в качестве религиозного фундамента национальной военной доктрины. У Н.Н. Головина философия войны представляет собой критическую работу, призванную устранить из знания о войне все умозрительные спекуляции и расчистить пространство для социологии войны. У А.Е. Снесарева философия войны понимается как нравственно-научный синтез понятий о войне.

На наш взгляд, при явной ограниченности указанных подходов и концептуальной путанице, демонстрируемой российскими военными теоретиками, именно подход

А.Е. Снесарева является наиболее продуктивным. Он позволяет, с одной стороны, критически дистанцироваться от идеологии, а с другой стороны, требует от философа выработки определенной нравственной позиции в отношении такого сложного явления, как война.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kersnovsky AA. *Philosophy of war*. M., 2010. (In Russ.). [Керсновский А.А. *Философия войны*. М., 2010].
2. Golovin NN. *Science of war*. M., 2008. (In Russ.). [Головин Н.Н. *Наука о войне*. М., 2008].
3. Snesarev AE. *Philosophy of war*. M., 2013. (In Russ.). [Снесарев А.Е. *Философия войны*. М., 2013].

■ Автор для переписки

Степанов Иван Викторович
Адрес: ул. Фадеева, 48, кв. 36, г. Самара, Россия, 443111.

E-mail: stivan1981@mail.ru

■ Corresponding Author

Ivan V. Stepanov
Address: apt. 36, 48 Fadeev st., Samara, Russia, 443111.